

Ж. Степаненко

Ж вопросу о функциональном статусе категории лица

Одна из главных задач функционального подхода, прочно утвердившегося в современном языкознании и направленного на выявление «основной и глобальной функции языка — выражения мышления в процессе коммуникации»¹, — состоит в «специальной разработке динамического аспекта функционирования грамматических единиц и категорий во взаимодействии с элементами разных уровней языка, участвующими в выражении смысла высказывания»². В этом плане особый интерес представляют категории, формирующие предикативную ось предложения. В числе таких категорий находится категория лица, которая квалифицируется учеными как универсальная категория, «присущая всем языкам и свойственная одновременно и языку и мышлению»³. «Лицо, — отмечал А. М. Пешковский, — есть необходимая категория языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ее сущности: ведь без лица говорящего не может быть и речи, лицо говорящее необходимо предполагает лицо слушающее, и оба эти лица необходимо предполагают внешний мир, их объемлющий, являющийся для них третьим лицом. Три лица — это три основных точки языкового сознания»⁴.

Согласно научной традиции, категория лица рассматривается в первую очередь как грамматическая категория, присущая глаголу. «Личный глагол, — писал в свое время В. Ф. Андреев, — выражает независимое понятие конкретно, наглядно. Из всех формальных признаков *verbi finite*, наиболее способствующих конкретности, или наглядности, есть обозначение лица и числа... Глагол служит сказуемым не потому, что он имеет время, вид и залог, а главнейшее потому, что он способен указывать лицо; словом, в глаголе, служащем в предложении сказуемым, мы считаем главнейшим признаком лицо»⁵. Определения категории лица как морфологической категории содержатся в академических грамматиках (ср.: «Морфологическая категория лица — это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотнесенность действия к участникам речевого акта»⁶) и энциклопедических словарях (ср.: «Лицо — грамматическая словоизменительная категория глагола,

обозначающая отношение субъекта действия (процесса, качества) к говорящему лицу»⁷). Не подвергая сомнению правомерность подобных определений категории лица, следует, однако, обратить внимание на тот факт, что из этих определений вытекает понимание данной категории как коммуникативной, самым непосредственным образом связанной «с отношением обозначаемой ситуации и ее участников к ситуации речи»⁸. Иными словами, речь идет о полифункциональности данной категории, выполняющей, с одной стороны, структурные функции согласования сказуемого и подлежащего, а с другой — собственно семантическую дейктическую функцию соотнесения участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта⁹. Таким образом, как справедливо отмечают исследователи, на проблему способов и средств выражения категории лица следует смотреть широко, не ограничиваясь лишь рамками глагольного спряжения. «Категория лица, — указывает В. Г. Гак, — рассматриваемая нередко как одна из базовых категорий предикации, принадлежит предложению, реализуется на уровне синтаксиса в обязательной или возможной связи финитной формы глагола со словом, указывающим на субъект, будь то существительное, самостоятельное или служебное местоимение... Выражение категории лица не является прерогативой глагола: эта категория проявляется в высказывании в целом и лишь может (в тех или иных языках, в тех или иных случаях) конденсироваться в пределах морфологической формы глагола, образуя лично-спрягаемые формы»¹⁰.

На основе понимания предложения (высказывания) как коммуникативной единицы исследователями выделяется целый ряд средств выражения категории лица в русском языке, распределяющихся по своей функциональной значимости на центральные и периферийные, или, в соответствии с классификацией А. В. Бондарко, «персональные элементы 1-го ранга» и «персональные элементы 2-го ранга»¹¹. При этом основанием для соответствующей дифференциации является роль средств выражения категории лица в формировании субъектно-предикатной структуры предложения и его коммуникативного потенциала. Центральные средства выражают отношение к лицу, касающееся субъекта-подлежащего, а периферийные находятся за пределами субъекта-подлежащего, отношение к лицу в таких случаях касается субъекта, выраженного дополнением, а также объекта и атрибута¹².

К числу центральных средств относятся:

- личные глагольные формы в индикативе или императиве, указывающие на связь действия с субъектом (*читаю, читаешь, читает, читаем, читаете, читают; читай, читайте*);
- личные и лично-указательные местоимения в форме им. пад. (*я, мы, ты, вы, он, она, оно, они*). Их употребление в предложении обязательно в том случае, если местоимение является «единственным синтаксическим

средством отнесения сказуемого к определенному грамматическому лицу»¹³. Такое употребление имеет место при сказуемых, не имеющих морфологического выражения лица:

- при сказуемых, выраженных глаголами в форме прошедшего времени. Например: «*Я выбил* у нашего министра пять дней, чтобы дело раскрутить» (Д. Липскеров. «Осени не будет никогда»);

- при сказуемых, выраженных глаголами в форме сослагательного наклонения. Например: «Если *бы* не *мы* сами этого Березовского *дела*ли, я *бы* *решил*, что ты у него зарплату получаешь» (В. Пелевин. «Generation "П"»);

- при составных именных сказуемых. Например: «*Я* же сам *мордвин* наполовину» (там же); «*А* я тоже *человек*, меня нельзя все время лажать (Д. Липскеров. «Осени не будет никогда»).

Параллельное употребление личных глагольных форм и личных местоимений имеет, как правило, стилистический характер с целью особого выделения субъекта действия. Например: «*Я* плохо и неправильно *живу*, я *знаю*. Но я душе *не хочу* ничего *мерзкого*, честное слово. *Я* никогда больше *не буду есть* эту дрянь... *Я*... *Я* просто *хочу быть счастливым*...» (В. Пелевин. «Generation "П"»); «Задавая вопросы, *мы фиксируем внимание* на внутренних психологических механизмах» (Вопросы психологии. 2004. № 1); «*Я так понимаю*, что мы лысого подозреваем в убийстве слесаря (Д. Липскеров. «Осени не будет никогда»); Да, *я умею понимать* чин, — кивнула немка, показывая пальцем петлицу на его виц-мундире. И так, господин коллежский регистратор, *я вас слушаю* (Б. Акунин. «Азазель»). Кроме того, одновременное использование личных форм глагола и местоимений наблюдается при противопоставлении действий одного субъекта действию другого субъекта. Например: *Ты* меня не *оставишь*, *я оставлю* тебя (Д. Липскеров. «Осени не будет никогда»).

Из периферийных средств выражения лица, исследователями¹⁴ выделяются средства, относящиеся к ближайшей периферии. Сюда входят:

- формы личных местоимений в косвенных падежах, выступающие в роли дополнения со значением субъекта или объекта, а также возвратное местоимение *себя*. Например: ...*мне* дали очень хорошую цену (О. Робски. «Casuale»); *Я* все-таки *на тебя* рапорт *напишу*... (Д. Липскеров. «Осени не будет никогда»); ...Сашенька *заставила себя улыбнуться* и сказать, что рада видеть своего спасителя (там же); Человек, склонный к самоубийству, *ощущает себя* невероятно далеким от ценностей, *которые* могли бы "согреть" *ему* жизнь (Вопросы психологии. 2004. № 4);

- притяжательные местоимения, которые, как отмечают исследователи, обладая двумя семантическими признаками: дифференциальным признаком лица и признаком посессивности, — имеют непосредственное отношение к выражению значений лица¹⁵. Например: Просмотрев *мои*

письма, Вы познакомитесь с характером примечаний (Вопросы литературы. 2006. № 6); *Ваш* телефон у меня остался от Димы Пугина (В. Пелевин. «Generation "П"»); Только мне *ваши* деньги не нужны (Б. Акунин. «Азazel»).

В числе других периферийных средств выражения лица выделяются интонационно-синтаксические средства. К ним в первую очередь относят конструкции с независимым инфинитивом и императивные конструкции, выражающие различные значения побудительной модальности (просьба, требование и т. п.), обращенные ко 2-му лицу. Например: *Молчать!!!* — неожиданно гаркнул парторг так, что Василь Василич стал заваливаться от страха на бок (Д. Липскеров. «Осени не будет никогда»); *Отставить!* — приказал полковник, испытав неподдельный ужас от прыжка сумасшедшего (там же); Немедленно *убирайтесь вон!* — повысила она голос... (Б. Акунин. «Азazel»).

Как периферийные средства выражения лица, заменяющие личные местоимения 1-го лица, могут выступать словосочетания типа *ваш покорный слуга, автор этих строки*, которые используются преимущественно в публицистической или научной речи. Например: *Ваш покорный слуга* считает, что, собственно, это собрание и должно решить вопрос о ликвидации акционерного общества (Калининградская правда. 2008. 22 янв.); *Автор этих строк* часто задается вопросом о том, является ли наше знание о мире, жизни, обществе и человеке настолько развитым, чтобы оно приближалось к исчерпывающему их пониманию, объясняло их устройство, давало нам руководство к действию?» (Вопросы философии. 2005. № 11).

Отдельных комментариев заслуживает, на наш взгляд, вопрос о включении в состав средств выражения категории лица безличных глаголов, поскольку проблема безличности трактуется в современном языкознании неоднозначно. Одни ученые исключают безличность из категории лица на том основании, что «категория лица не имеет в главном члене безличных предложений никакой опоры... с помощью формы главного слова высказывание не может быть отнесено ни к одному из трех лиц»¹⁶. Другие исследователи рассматривают безличность в рамках категории лица¹⁷. «Сам термин безличность, — отмечает В. М. Никитевич, — по своей внутренней форме связан с категорией лица. Личность и безличность — две основные абстракции категории лица»¹⁸. Такая точка зрения, представляющаяся наиболее объективной, позволяет ученым поставить вопрос о правомерности традиционного признания предложений как безличных по морфологическому признаку отсутствия номинативного подлежащего. «Только морфологический предрассудок против неноминативного подлежащего, — замечает Г. А. Золотова, — мешает увидеть в этих предложениях два организующих компонента, как во всякой синтаксической модели предложения: субъект и предикат, или имя предикативного признака

состояния и имя его носителя. Фиксированы формы того и другого компонента: личное имя субъекта в дательном или винительном падеже, в предикате слова категории состояния на *-о*, глаголы состояния в третьем лице или среднем роде, а также инфинитив»¹⁹. Справедливость данного высказывания наглядно подтверждается фактическим материалом. Например: *Ей хотелось* кричать во все горло, когда они миновали «Сокольники» (Д. Липскеров. «Осени не будет никогда»); Во как *колбасит тебя...* (В. Пелевин. «Generation "П"»); Всем живо *работать* (там же); *Мне не пишется* уже целую неделю (О. Робски. «Casuale»); *Ей надо* в больницу. Им не на чем ее отвезти — машина сгорела (там же).

Таким образом, обзор наиболее распространенных в науке точек зрения на категорию лица, а также анализ фактического материала, относящегося к разножанровым письменным источникам современного русского языка, позволяет квалифицировать ее как функционально-семантическую категорию, выполняющую важную роль в формировании предикативности и коммуникативного потенциала предложения. План выражения данной категории имеет полевой характер, включающий центр и периферию, что объединяет ее с другими функционально-семантическими категориями (и в первую очередь, с категорией персональности), выделяемыми в функциональной грамматике.

В заключение добавим, что данная квалификация категории лица, представленная также в работах других исследователей²⁰, на наш взгляд, отнюдь не противоречит ее узкому пониманию как глагольной категории, которая в этом случае составляет ядро функционально-семантической категории персональности²¹.

¹ *Колшанский Г. В.* Лингво-гносеологические основы номинации // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. С. 99.

² *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л., 1984. С. 89.

³ *Шалютин С. М.* Язык и мышление. М., 1980. С. 7.

⁴ *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 306.

⁵ *Андреев В. Ф.* Знаменательные и служебные слова в русской речи // Журнал министерства народного просвещения. М., 1985. С. 256.

⁶ *Русская грамматика: в 2 т.* М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 636.

⁷ *Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990. С. 271.

⁸ *Бондарко А. В.* Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 30.

⁹ См. об этом: *Сердюк М. А.* Категория лица и ее художественные функции в русской народной лирической песне: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.

¹⁰ *Гак В. Г.* Неопределенность в плане содержания и в плане выражения // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 73.

¹¹ *Бондарко А. В.* Указ. соч. С. 21—22.

¹² См.: там же. С. 22.

¹³ *Шелякин М. А.* Русские местоимения. Тарту, 1986. С. 20.

¹⁴ См., например: *Бондарко А. В.* Указ. соч.

¹⁵ *Шелякин М. А.* Указ. соч. С. 23.

¹⁶ *Калинин А. Ф.* Односоставные предложения в современном русском языке. Балашов, 1991. С. 31. См. также: *Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке. М., 1952. С. 54—87.

¹⁷ См., например: *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1986; *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972; *Никитевич В. М.* Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963; *Бабайцева В. В.* Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968; *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; *Бондарко А. В.* Семантика лица. СПб., 1991; *Тушикова Н. А.* Формирование категории ин-персональности русского глагола. Волгоград, 1998.

¹⁸ *Никитевич В. М.* Указ. соч. С. 279.

¹⁹ *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. С. 122—123.

²⁰ См., например: *Шишкова Л. В., Смирнова Т. Ю.* Синтаксис современного немецкого языка. М., 2003. С. 28.

²¹ См.: *Бондарко А. В.* Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. М.: Наука, 2005. С. 25—28.

